

БАЗОВАЯ СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ (ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НОМОТЕТИКА УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ)

В третьей части статьи приведены компоненты управления этнополитическими конфликтами и приемы, используемые в ходе данного процесса. Также отражены стадии этнополитоконфликтологического анализа основного актора этнополитического конфликта. Как итог представлена базовая схема управления этнополитическими конфликтами.

Ключевые слова: основной актор этнополитического конфликта, управление этнополитическими конфликтами, тактика, стратегия, экстенсивно-политические меры, интенсивно-политические меры, рутинизация, консервация.

После изложения в первой и второй частях нашего исследования диалектико- и историко-материалистических оснований формирования базовой схемы управления этнополитическими конфликтами (далее – Схема) мы можем перейти к непосредственному рассмотрению управленческих закономерностей. Однако для построения Схемы вначале необходимо внести ясность в смысловое наполнение базовых стадий управления, тактики (кратко- и долгосрочной) и стратегии, применительно к этнополитическим конфликтам (далее – ЭПК).

Управление ЭПК имеет принципиальное сходство с управлением всякими внутренними политическими конфликтами, являясь, по сути, частным случаем такового. Вопрос о внутренних политических конфликтах (далее – ВнПК) мы поднимали во второй части нашей работы, и, к слову, помимо абсолютно всех ЭПК (включая Религиозные войны Реформации XVI в. как первую в истории человечества масштабную волну ЭПК, а также иудейско-самаритянский ЭПК – см. часть 2), к ним принадлежат также цеховые революции XIII–XV вв., проходившие в городах Европы [1, с. 80–82].

Итак, управление ЭПК подразумевает решение следующих задач:

в краткосрочном периоде – прекращение ЭПК;

в долгосрочном периоде – урегулирование ЭПК;

в стратегическом периоде – возвращение национальной локальной социальной политической группы (далее – ЛСПГ) или народа (или его части) в состав нации в качестве полноправных членов таковой и создание условий для предотвращения ЭПК в будущем.

Зачастую рассмотрение методов управления ЭПК сводится лишь к краткосрочному периоду или, в лучшем случае, долгосрочному. Однако даже в этих ситуациях не всегда до конца учитывается специфика мер управления и возможность их применения в условиях современной нации-участницы системы международной коллабора-

---

* © Васильев В.А., 2016

Васильев Вячеслав Алексеевич (valv98@yandex.ru), Самарский университет, кафедра государственного и муниципального управления, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ции (далее – СМК) [2, с. 42]. В общем случае, методы управления ЭПК, отвечающие, как минимум, решению тактических задач, делятся на следующие группы:

- экстенсивно-политические меры;
- интенсивно-политические меры;
- рутинизация;
- консервация.

Экстенсивно-политические меры – это, как правило, выделение общегосударственной политической системой (далее – ОГПС) [или же централизованной политической системой (далее – ЦПС)] (см. часть 2, рис. 1) экономических ресурсов на производительное потребление военным сектором системы политической коллаборации (далее – СПК). Иными словами, в подобной ситуации ОГПС (то есть государственная политическая система Западного типа) или ЦПС (то есть государственная политическая система Восточного типа) производит создание условий для ведения военных действий с основным актором ЭПК (см. часть 2, рис. 1).

Экстенсивно-политическая тактика действительно должна расцениваться как совокупность мер политического характера. Такое заключение проистекает из утверждения классика военного дела, Карла фон Клаузевица, о том, что «война есть продолжение политики иными средствами». Военные действия полностью аналогичны политике мирного времени в том отношении, что они связаны с перераспределением экономических ресурсов [1, с. 90]. И, таким образом, именно в период протекания военных действий военный сектор СПК становится производящим [с учетом того, что в мирное время военный сектор СПК потребляет экономические ресурсы по непроизводительному (конечному) типу]. Более того, экстенсивно-политическая тактика представляет собой ключевой компонент так называемого «традиционного» мироподдержания, противопоставляемого «расширенному» (делающему упор на интенсивно-политическую тактику элиминации ВнПК – см. далее) [3, с. 413–414].

Однако на сегодня правомерность перераспределения экономических ресурсов военными методами подвергнута серьезной переоценке. Разве в современных условиях, когда на мегаполитическом уровне (далее – МегаПУ) действуют такие документы, как Устав ООН, в п. 2 ст. 1 Главы I которого прописана необходимость уважения принципа равноправия наций и права национальностей на самоопределение [2, с. 56], как Всеобщая декларация прав человека, предписывающая соблюдение основных компонентов свободы гражданина [4, с. 107–112], и т. п., использование экстенсивно-политических мер управления ЭПК может считаться легальным? Упомянутые документы – это действительно неоспоримое политико-информационное основание для построения субъектами МегаПУ внутренней и внешней политики, находящее соответствующие макрополитические выражения. К ним относится, например, принятый в 2000 г. парламентом Соединенного Королевства «фундаментальный по своему значению статут – Акт о политических партиях, выборах и референдумах» [5, с. 16]. Данный Акт, в частности, лег в основу Эдинбургского соглашения 2012-го г. (о проведении в Шотландии до конца 2014 г. референдума по вопросу предоставления независимости), в котором уже прямо упоминался, в том числе, шотландский национальный интерес [6, р. 8].

Дополнительно необходимо отметить, что экстенсивно-политическая тактика управления ЭПК, помимо собственно подготовки к военным действиям и ведения таковых, включает ряд мер, также носящих ярко выраженный не селективный, экстенсивно-политический характер. В данном случае прежде всего следует обратить внимание на такие приемы, как **геноцид** [7, с. 326] и **этнические депортации** [7, с. 328], которые, между прочим, нередко дополняют одни других. Так, например, проводившиеся во второй половине 1940-х гг. депортации фольксдойче (этнических немцев)

из стран Восточной Европы включали акт геноцида немцев в Пржерове 18–19 июня 1945 г. и многочисленные «марши смерти» [8]. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что, с формально-правовой точки зрения, упомянутые меры в отношении фольксдойче приводились в исполнение уже в мирное, а не в военное время с его неcodифицированными законами. Ко всему прочему, «уже в августе 1945 года статут международного военного трибунала в Нюрнберге признал депортацию народов преступлением против человечества» [8]. Этим депортация фольксдойче отличается, к примеру, от событий времен Гражданской войны 1975–1989 гг. в Ливане, когда «18 сентября (1982 г. – В.В.), через 4 дня после убийства лидера христианской партии «Ливанских сил» Башира Жмайеля, выбранного 23 августа президентом Ливана, на глазах израильских оккупантов христианская милиция майора Саада Хаддана уничтожила в лагерях Сабра и Шатила около 1000 беженцев» [9, с. 86] из Бейрута.

К экстенсивно-политическим мерам, безусловно, должна быть причислена и **этносоциальная стратификация** [7, с. 124]. Во второй части статьи мы упоминали о том, что в продолжение «второго издания» социальной стратификации (то есть в условиях нации-участницы СМК) таковая может производиться только самими гражданами, **активным** путем, на основе специфики занимаемого ими положения в системе экономической коллаборации (далее – СЭК) и СПК нации. Напротив – социальная стратификация населения, проведенная **пассивным** путем, то есть через административное влияние ЦПС на народонаселение с опорой на разнообразные внешние по отношению к ней основания (территориальные, экономические и др. особенности субъектов, входящих в состав народонаселения), – это процесс, свойственный «первому изданию» социальной стратификации, имевшему место в социальных системах, **СПК которых функционировала в не демократических режимах** (см. часть 2).

Этносоциальная стратификация, во многом, подобна процессам «третьего издания» социальной стратификации и дифференциации (см. часть 2, рис. 5). В рамках процессов «третьего издания» ОГПС, ссылаясь на этничность, то есть следственное явление (см. часть 1, рис. 2), выработанную этнической локальной социальной группой (далее – ЛСГ), после перехода последней в ранг национальной ЛСПГ делегализует ее и наделяет специфическим социальным статусом, демонстрируя, таким образом, следование свойственному ЦПС принципу «каждому человеку – специальное администрирование» [1, с. 88]. Поэтому **«третье издание» социальной стратификации и дифференциации есть отчасти повторение «первого издания»**. ОГПС действительно в рамках «третьего издания» уподобляется «классической» ЦПС, которая в продолжение «первого издания» социальной стратификации и дифференциации если не уничтожала появившуюся народность через лишение таковой этничности и ее возвращение в состав народа, то в обязательном порядке наделяла ее специфическим социальным статусом [1, с. 46]. Так, в частности, действовала ЦПС Российской империи в отношении старообрядцев, выработавших *de facto* протестантизм на основе православия (то есть этничность конфессионального характера), введя для старообрядцев «двоеданство (то есть сбор двойного оклада подушной подати), окончательно отмененное только 20 июля 1782 г. именным высочайшим указом Екатерины II» [1, с. 45]. Более того, административное влияние ЦПС Российской империи на старообрядческую народность со временем начало отличаться, своего рода, селективностью, так как с изданием манифеста от 3 марта 1764 г. была выделена социальная страта ««хороших» старообрядцев, пошедших на компромисс с ЦПС и освобожденных от двоеданства» [1, с. 46].

Хрестоматийным примером проведения типичной этносоциальной стратификации выступают существовавшие в 1791–1917 гг. в Российской империи законы о евреях-раббанитах, наиболее характерным и широко известным результатом действия кото-

рых являлась черта оседлости. Здесь, конечно, необходимо сделать оговорку о том, что приверженность талмудическому иудаизму (раввинизму) – это первично-конфессиональная, но никак не этническая особенность (или тип идеальных проявлений – см. часть 1, рис. 1) субъектов [1, с. 48]. Тем не менее, принцип проведения социальной стратификации на экстенсивно-политических началах в данном случае был выражен целиком и полностью. Обратим также внимание на то, что упомянутые выше депортации фольксдойче опирались на *de facto* проведенную этносоциальную стратификацию с выделением этнических немцев в специфическую социальную страту, несмотря на то, что, как было упомянуто, Вторая Мировая война в Европе уже завершилась, а с 1907 г., к тому же, действовала Гагская конвенция, отрицавшая принцип коллективной ответственности (ст. 50) [8].

В рамках анализа этносоциальной стратификации необходимо сделать особый акцент на том, что к таковой не должны приравниваться системы квот на замещение тех или иных должностей (например, в рамках ОГПС), введенные для представителей конкретных этнических или конфессиональных социальных групп или социальных страт. Приведенные выше примеры результатов проведения этносоциальной стратификации распространялись на **всех** евреев-раббанитов Российской империи и **всех** этнических немцев Восточной Европы. Система квот напротив – дает гарантированную возможность (**но не обязанность!**) занять ту или иную должность представителям соответствующей этнической или конфессиональной социальной группы или страты. Несомненно, классическим примером такой системы квот выступает совокупность принципов формирования общегосударственных политических агентов (то есть заполняющих ОГПС в продолжение некоторого периода времени правящих политических элит) в Ливане, получившая название «конфессионализм». Даже сам принцип подобного уменьшения градуса этнополитической напряженности в стране приобрел специфическое наименование «ливанизация» [10]. При этом следует отметить, что временный характер такого порядка заполнения ОГПС Ливана отражен в Таифских соглашениях 1989-го г., подписание которых окончало Гражданскую войну 1975–1989 гг. Однако высший совет по отмене конфессиональной системы так и не был создан, что, во многом, связано с продолжающейся сохраняться нестабильностью политической обстановки в стране [11, с. 30].

Система квот в виде сохранения за представителями Молдовы 20% мест в парламенте и правительстве в течение 20 лет фигурирует в появившемся в 2016 г. плане Пуя, предусматривающем включение Молдовы в состав Румынии к 2018 г. [12]. Невзирая на всю неоднозначность данного документа, все же отметим, что и в нем система квот при формировании ОГПС Румынии, объединенной с Молдовой, фигурирует как мера временная и, в каком-то смысле, вынужденная.

Таким образом, чем бы ни были представлены экстенсивно-политические меры управления ЭПК, в общем случае, о таковых можно упоминать только в ретроспективном контексте с подчеркиванием несостоятельности их применения в долгосрочном периоде и однозначной нелегальности использования в условиях современных наций-участниц СМК.

Рутинизация и консервация как меры тактики управления ЭПК имеют, как минимум, две схожие черты. С диалектико-материалистической точки зрения, подобные приемы ориентированы на ЭПК как таковой, то есть на процесс, а не на его основного актора (см. часть 2, рис. 1). Однако процесс не представляет собой самостоятельное явление. Процесс неизменно существует либо там, где претерпевает изменения само некоторое явление (то есть таковое развивается), либо при условии возникновения материальных или идеальных проявлений явления. Так что конкретный процесс (но не тип процессов!) по своим характеристикам всецело аналогичен любому конкретно-

му материальному проявлению (но не типу материальных проявлений!), которое, в свою очередь, абсолютно динамично и высоко уникально (см. часть 1). Стало быть, ЭПК сам по себе есть совокупность взаимных материальных проявлений (СВМП) (см. часть 1), формирующаяся между ОГПС (или ЦПС) и народом (или его частью) или же национальной ЛСПГ как типами основного актора ЭПК (см. часть 2, рис. 1). И, таким образом, результатом использования рутинизации и консервации как приемов управления ЭПК будет выступать изменение характеристик ЭПК как процесса (интенсивности, ориентированности, открытости и др.) вплоть до полной насильственной остановки такового.

Второй особенностью, роднящей рутинизацию и консервацию, выступает степень эффективности их применения в долгосрочном и стратегическом периодах. Задачи тактики, по определению, подчинены задачам стратегии и зависимы от таковых. Однако рутинизация ЭПК, предполагающая его перевод в вялотекущую форму (исходя из принципа, отстаивавшегося Л.Д. Троцким при заключении Брестского мира 1918-го г., — «ни войны, ни мира»), и консервация ЭПК, в ходе которой конфликт лишь прекращается (причем зачастую через принуждение основного актора ЭПК к мнимому миру), но даже не подвергается урегулированию, полностью отрешены от стратегического компонента управления ЭПК. На деле рутинизация и консервация проявляют свою несостоятельность даже в продолжение долгосрочного периода, что роднит их с рассмотренными выше экстенсивно-политическими мерами тактики управления ЭПК. По сути, при использовании экстенсивно-политических мер, рутинизации и консервации нарушается фундаментальный принцип управления, касающийся подчинения тактики стратегии.

Стоит также добавить, что рутинизация и консервация не слишком сильно отличаются одна от другой по результатам их применения. В целом, после рутинизации ЭПК таковой может претерпевать полную остановку, уподобляясь ЭПК законсервированному. Но периоды мнимого мира в случае рутинизации длятся намного меньше, чем при консервации ЭПК, так что конфликтная ситуация довольно быстро возвращает позиции, словно ЭПК и не прекращался.

Обратимся к рассмотрению некоторых конкретных выражений представленного выше материала. Великолепным примером рутинизации ВнПК (как типа вооруженных столкновений, к числу которых принадлежат и ЭПК) является совокупность событий Гражданской войны 1944–1949 гг. в Греции. При этом, бесспорно, сразу же следует сделать оговорку о том, что данный ВнПК являлся сугубо политическим, и его основной актор был лишен этнической специфики. Основная причина начала Гражданской войны заключалась в том, что «к сентябрю 1944 г. <...> (коммунистическая. — В.В.) Греческая Народно-освободительная армия (ЭЛАС), установила контроль над 75% территории страны. Это вызвало серьезную обеспокоенность у западных стран, прежде всего Великобритании» [13, с. 88]. «Между тем, в октябре 1944 г. при поддержке западных союзников в Грецию прибыли части вооруженных сил королевского правительства, которые вступили в столкновения с коммунистическими отрядами» [14, с. 51–52]. Индукция конфликта включала в себя также переброску в Грецию британских войск 4 октября 1944 г. «под предлогом борьбы с Германией» [13, с. 88], хотя последние немецкие части покинули Грецию уже 3 ноября 1944 г. [13, с. 87]. При этом в дальнейшем «фактически греческие коммунисты вели борьбу с британцами, исключительно благодаря помощи которых греческое правительство было способно продолжать войну с коммунистами» [14, с. 87].

Рутинизация Гражданской войны в Греции началась еще 26 сентября 1944 г. после подписания под давлением Соединенного Королевства Казертского соглашения с последующим формированием коалиционного правительства, ведущие позиции (вклю-

чая пост премьер-министра) в котором заняли деятели лондонского эмигрантского кабинета [13, с. 88]. Противоречивость ситуации резко возросла после заключения между руководителями ЭЛАС и королевским правительством 12 февраля 1945 г. в местечке Варкиза, под Афинами, соглашения [14, с. 52], в соответствии с которым «ЭЛАС была разоружена и расформирована» [13, с. 88]. «Конфликт был заморожен, но не разрешен» [14, с. 52], причем заморожен односторонне: после формирования 8 апреля 1945 г. кабинета во главе с монархистом, Петросом Вулгарисом, «ультраправые вооруженные группировки при поддержке армии и полиции перешли к широкомасштабному антикоммунистическому террору» [13, с. 88].

Греческий ВнПК возобновился 31 марта 1946 г., в день проведения парламентских выборов, носивших не демократический характер и не отражавших реальные симпатии населения. Преемником ЭЛАС как основного актора конфликта стала образованная 26 октября 1946 г. Демократическая армия Греции (ДАГ) [13, с. 88–89]. «С конца 1946 г. противоборствующие стороны перешли к полномасштабным боевым операциям на всей территории страны» [13, с. 89]. Что касается прекращения конфликта, то фактически оно было приурочено к 1947-му г. После того, как 30 августа основные силы ДАГ покинули территорию Греции [13, с. 89], а в сентябре было провозглашено создание правительства «Свободной Греции» во главе с коммунистом, Маркосом Вафиадисом, которое, однако, не было признано СССР [14, с. 87], поражение левых сил в Греции стало данностью. Таким образом, рутинизированный греческий ВнПК 1944–1949 гг. был прекращен лишь после *de facto* физического устранения его основного актора, что нашло свое выражение, в частности, в том, что «100 тыс. коммунистов и их сторонников бежали из страны. Коммунистическая партия оказалась под запретом» [13, с. 89]. Определенно, такой статус-кво был оторван от выполнения задачи урегулирования конфликта, в чем нашла свое конкретное подтверждение непригодность рутинизации для управления ВнПК в долгосрочном периоде.

Весьма показательным примером консервации ЭПК служит рукотворная ситуация, сложившаяся в Испании, времен тоталитарного государства (1939–1975 гг.). Практически сразу после воцарения в Испании диктатуры генерала, Франсиско Франко, политические автономии каталонцев (существовала с 1931 г.), басков и галисийцев (учреждены в 1936 г., вторая — лишь формально) «были упразднены, национальная проблема объявлена несуществующей (курсив наш. — В.В.), а националистические движения за автономию квалифицировались как преступление против единства испанской нации (в данном случае корректнее: народа. — В.В.)» [13, с. 60]. Тем не менее, в дальнейшем, к 1960-м гг. националистические движения, оформленные в соответствующие национальные социальные политические группы, возобновили выступления за автономию и активно участвовали в антидиктаторской борьбе [13, с. 65]. Характерно, что «репрессии властей (в данном случае корректнее: ЦПС. — В.В.) подвигли отдельные организации, главным образом баскские, на использование террористических методов борьбы» [13, с. 65]. Из числа последних наибольшую известность получила, несомненно, созданная в 1958 и перешедшая к активным боевым действиям в 1968 г. баскская организация Эускади Та Аскатасуна (ЭТА, Баскония и свобода) [15].

Итак, в некоторой степени даже правомерно утверждать, что сама этнополитическая напряженность в тоталитарной Испании была порождена стремлением ее ЦПС законсервировать объективно назревавшие ЭПК, в частности, путем ликвидации созданных в 1930-х политических условий, которые как раз и были направлены на сдерживание роста конфликтности, но при этом учитывали соответствующие национальные интересы. В итоге, после относительно продолжительного периода мнимого мира, создававшегося преимущественно административным влиянием ЦПС, насту-

СтП потому и имеет такое название, что он является заведомо ограниченным при проведении ЭПК-анализа основного актора ЭПК, а получаемая в ходе его реализации информация – достоверной лишь с определенной вероятностью. Так, например, после определения некоторого ("ИП_А)_N можно сделать вывод о содержании сущности (см. часть 1) основного актора ЭПК, но данный вывод будет соотноситься с реальностью лишь с соответствующей вероятностью P_А. Причем эта вероятность приобретает свой смысл только при наличии информации о сущности явления, к которой еще нужно прийти.

Относительно последнего утверждения необходимо дать небольшое пояснение. Одни и те же изменения в одном и том же типе идеальных проявлений, произошедшие при переходе социального явления на стадию основного актора ЭПК, неравнозначны по своему значению, которое действительно зависит от сущности явления. К примеру, политические идеальные проявления будут иметь определенно большее значение, если сущность социального явления носит субъективный характер (см. часть 1). Поэтому при установлении некоторого изменения в политических идеальных проявлениях [(“ИП_П)_N], имевшего место при переходе на стадию основного актора ЭПК двух явлений, с объективной и субъективной сущностями, и количественно одинакового для них обоих, вывод о содержании сущности на основе информации о ("ИП_П)_N для явления с объективной сущностью будет реалистичен с вероятностью P_П(об.), а для явления с субъективной сущностью – с вероятностью P_П(суб.), причем P_П(об.) << P_П(суб.).

Таким образом, СтП – это, несомненно, подчиненная, но никак не самостоятельная методологическая ступень ЭПК-анализа основного актора ЭПК.

Системный подход (далее – СсП). В рамках осуществления данного этапа ЭПК-анализа с опорой на принцип, отраженный нами в первой части статьи (см. часть 1, формула 9), делается вывод о содержании сущности основного актора ЭПК. Этнополитоконфликтологическую ипостась (далее – ЭПК-ипостась) общенаучного СсП [16, с. 333] правомерно именовать контекстуальным полипарадигмальным подходом (рис. 1), представляющим собой синтез соответствующих подходов [3, с. 413]. Под контекстуальной составляющей здесь подразумевается принятая необходимость в анализе и учете изменений, затронувших форму явления и все типы идеальных проявлений явления, для определения содержания сущности основного актора ЭПК. А полипарадигмальная составляющая предполагает ограниченное количество типов данного содержания сущности, причем эти типы действительно дисциплинарно окрашены (рис. 1), в частности [3, с. 413]:

- примордиальная (религиозная) окраска основного актора ЭПК;
- инструменталистский тип;
- конструктивистский тип.

Сделаем акцент на том, что примордиальная (религиозная) окраска может быть присуща основным акторам ЭПК с разными типами содержания сущности. Разница состоит лишь в том, что таковая при наличии у основного актора с конструктивистским содержанием сущности будет выражена значительно более ярко, не вступая в разрез с его сущностной субъективизированностью (см. далее), чем у основного актора с инструменталистским содержанием сущности, сущность которого объективна (более подробно – см. часть 4).

Эволюционный подход (далее – ЭП). Использование ЭП в управлении вообще, по определению, носит обязательный характер и служит признанием того обстоятельства, что процессу управления подвергаются саморазвивающиеся явления-системы [16, с. 347]. Использование контекстуального полипарадигмального подхода, в целом, достаточно для установления не только содержания сущности основного актора

ЭПК, но и, таким образом, конкретно-прикладных мер государственного и муниципального управления (ГМУ) и государственного регулирования экономики (ГРЭ) тактического характера (рис. 1). Однако для эффективного управления ЭПК в стратегическом периоде как раз и необходимо использование ЭП в ЭПК-анализе основного актора, поскольку именно на данной стадии становится возможным установление сущности основного актора (рис. 1; 2), что, в свою очередь, позволяет прогнозировать его развитие. ЭП, таким образом, в полной мере может быть назван сущностным подходом, выделяющим в случае анализа сущности основного актора ЭПК, равно как и любого социального явления, два типа сущности (см. часть 1):

объективный, или естественный (социально-экономический), тип;
субъективный, или искусственный, тип.

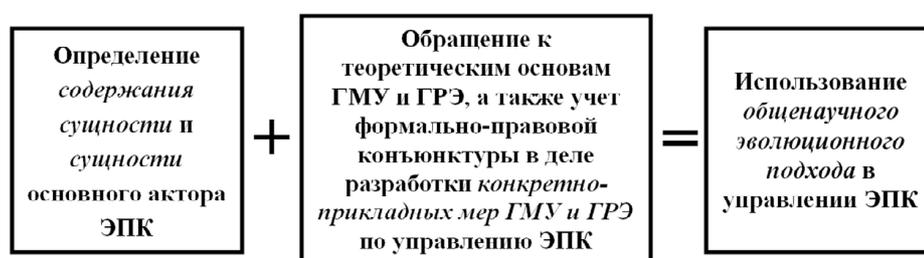

Рис. 2. Компоненты общенаучного эволюционного подхода к управлению этнополитическим конфликтом (ЭПК – этнополитический конфликт, ГМУ – государственное и муниципальное управление, ГРЭ – государственное регулирование экономики).

Отметим также, что признание главенства сущности как диалектико-материалистической основы явления, в частности, основного актора ЭПК, в деле выявления и конкретизации причин развития ЭПК и разработки конкретно-прикладных мер тактического и стратегического управления конфликтом наряду с принятием факта ограниченного количества типов сущности основного актора ЭПК и, таким образом, априорной необходимости обнаружения последней – это и есть ЭПК-ипостась общенаучного ЭП [16, с. 347–350] (рис. 1; 2). Однако сами типы сущности основного актора ЭПК не несут дисциплинарной нагрузки и идентичны типам сущности любого социального явления, поэтому ЭПК-ипостась ЭП, в целом, полностью тождественна общественнонаучной ипостаси ЭП.

Безусловно, нельзя не отметить, что все описанные ступени ЭПК-анализа основного актора ЭПК, подчиненные задаче построения системы эффективных мер управления конфликтом, применимы лишь при следующем важнейшем условии. Субъектом управления должна выступать ОГПС, реализующая демократический политический режим: ЦПС, связанная, по определению, с реализацией тоталитарного политического режима и занимающая не вторичное, а базисное положение по отношению к соответствующему народу, заведомо «профнепригодна» для эффективного управления ЭПК даже в долгосрочном периоде.

В данном случае необходимо дать следующее пояснение. Процесс управления принципиально должен носить естественный и, следовательно, социально-экономический характер, если субъектом управления выступает человек или группа лиц, а не, допустим, щитовидная железа в организме позвоночного животного, которая осуществляет гуморальную регуляцию в отношении последнего (и, таким образом, процесс управления в последнем случае будет иметь биологический характер). Субъект должен растворяться в управленческом процессе, становясь частью той системы, на которую последний направлен. Однако удельный вес субъекта в СПК несравнимо больше, чем в СЭК, и поэтому политическая коллаборация заведомо более субъективизирована,

чем коллаборация экономическая. При этом априорная субъективизированность ЦПС и ее отчужденность от народа, находящегося под ее юрисдикцией [1, с. 44–45; 2, с. 42], создают благодатную почву для удовлетворения прежде всего потребностей ЦПС и, таким образом, отрешенности ее действий от социально-экономической необходимости, имеющейся в соответствующей социальной системе. Так, например, вследствие попадания ЦПС Российской империи в 1761 г. под контроль Петра III, во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) Россия заключила со своим противником, Пруссией, 24 апреля (5 мая) 1762 г. невыгодный мирный договор только по причине того, что Петр III был горячим поклонником короля Пруссии, Фридриха II. При этом подписанию мирного договора предшествовало занятие российскими войсками Восточной Пруссии и даже Берлина. Через 200 лет, после установления в СССР полуавторитарного политического режима и попадания ЦПС СССР под сильнейший пресинг со стороны Н.С. Хрущева, ситуация отчасти повторилась, что привело, в том числе, к таким провальным авантюрам, как «кукурузная эпопея», освоение целинных земель и, конечно же, замена в 1957 г. отраслевой системы управления народным хозяйством СССР системой управления по территориальному принципу.

Таким образом, для ОГПС, идущей по интенсивно-политическому пути управления ЭПК и, следовательно, не исключающей основного актора ЭПК из состава общества [или, что синонимично, нации, государства (в широком смысле слова) [1, с. 93]], в деле поиска конкретно-прикладных мер управления ЭПК на первый план выходит рассмотрение следующих четырех вопросов (рис. 1).

Как перераспределить в обществе экономические ресурсы, реализовав, таким образом, ту часть присутствующей в обществе власти, которая была централизована в пользу ОГПС? Здесь стоит в очередной раз сделать пометку о том, что власть есть объективный ресурс СПК (наряду с политической информацией), представляющий собой совокупность условий, делающих возможным проведение перераспределения экономических ресурсов.

Необходимо ли и каким образом перераспределить в обществе власть, урезав объемы данного ресурса, распределенные в пользу центральных органов ОГПС в ходе формирования общегосударственных политических агентов (то есть правящих политических элит)? Отметим, что последние при вхождении в ОГПС претерпевают легализацию, являющуюся первичной, в сравнении со вторичной легализацией локальных политических агентов, которую проводят уже сами легализованные общегосударственные политические агенты.

Следует ли проводить легализацию национальной ЛСПГ и, таким образом, включать ее в состав нации? Вставим ремарку о том, что под национальной ЛСПГ в данном случае имеется в виду национальная политическая партия, отстаивающая национальный интерес, связанный с соответствующей этнической ЛСГ. К примеру, такое соотношение находило свое конкретное выражение в том, что вышеупомянутая ЭТА, по крайней мере, отчасти следовала в своих действиях национальному интересу, сопряженному с агрегированными потребностями испанских басков, которые до 1975 г. представляли собой народность (то есть этническую социальную группу), а до восстановления автономии Страны Басков в начале 1980-х — этническую ЛСГ.

Существует ли необходимость выделения в СПК государства мезополитического уровня (далее — МезоПУ) этнической ЛСГ (или народу), с которой связан основной актор ЭПК (то есть, соответственно, национальная ЛСПГ или часть народа, продолжающие формально находиться под юрисдикцией ОГПС нации)? При условии выделения МезоПУ такой этнической ЛСГ она как таковая, включая всех ее членов, преобразуется в национальную ЛСПГ, правомочную формировать представительно-демократический уровень в рамках учрежденной автономии.

Второй, третий и четвертый вопросы могут показаться тождественными, однако это вовсе не так. Во втором вопросе отражена проблема учета ОГПС необходимости следовать канонам бюрократического централизма. Последний предполагает перераспределение распределенной (или централизованной) в пользу центральных органов ОГПС власти с соответствующим утверждением на вновь учреждаемом локальном административном уровне представителя(-ей) исполнительного компонента ОГПС. Безусловно, бюрократический централизм востребован прежде всего в тех случаях, когда на локальном административном уровне присутствуют политические агенты, проведение легализации (вторичной) которых оценивается ОГПС как недопустимая мера.

Напротив – третий и четвертый вопросы связаны с рассмотрением ОГПС необходимости следования принципам демократического централизма. В рамках третьего вопроса делается акцент на предоставлении национальной ЛСПГ, путем ее легализации (вторичной), той или иной широты полномочий, позволяющих перво-наперво членам ЛСПГ узаконить распределение власти в пользу представительного-демократического уровня ЛСПГ, что, в свою очередь, подчинено решению задачи автономного (в пределах ЛСПГ) перераспределения экономических ресурсов. Перераспределение же экономических ресурсов, в свою очередь, используется национальной ЛСПГ (то есть в данном случае соответствующей политической партией) для решения задач политического характера, из числа которых первостепенная – попадание представителей ЛСПГ в число общегосударственных политических агентов. Таким образом, узловым моментом здесь является необходимость исключения национальной ЛСПГ из ее политической идеологии тезисов о необходимости отстаивания национального интереса не легальными (в рамках данной нации) средствами, что выступает обязательным условием ее легализации и возвращения в состав нации.

Четвертый вопрос, тяготея к третьему в плане соответствия канонам демократического централизма, является куда более радикальным и неоднозначным. Ключевая проблема в его решении заключается в том, что выделение в СПК государства МезоПУ чревато, фигурально выражаясь, «вторичным накоплением власти» правящими на МезоПУ политическими элитами, что, в свою очередь, может послужить одним из оснований преобразования этнической ЛСГ, которой была предоставлена автономия, в национальную вновь учрежденную под предводительством правящих на МезоПУ политических элит национального государства, имеющего возможность стать новой нацией (см. часть 2, рис. 4). Однозначно, такой сценарий развития событий совершенно не соотносится с ориентирами управления ЭПК в стратегическом периоде, предполагающими возвращение основного актора ЭПК в состав нации и сохранение подобного статус-кво (см. выше). Вследствие этого, зачастую выделение этнической ЛСГ МезоПУ в СПК государства носит, во многом, номинальный характер. Поэтому не удивительно, что, к примеру, полномочия воссозданного в 1998 г. парламента Шотландии «отличаются узостью и не позволили, в частности, в 2008 году провести реформирование финансовой сферы» [17, с. 140]. Не удивительно также и то, что в подавляющем большинстве ситуаций автономизации подвергаются экономически отсталые регионы, и исключений из этого правила – минимальное количество. Так, к числу последних принадлежит Испания, где МезоПУ выделены, в том числе, высоко развитым в экономическом отношении Каталонии и Стране Басков [13, с. 69].

Обобщая представленную выше информацию, правомерно утверждать, что именно научный анализ основного актора ЭПК, обращение к теоретическим основаниям ГМУ и ГРЭ, а также учет формально-правовых условий, в которых будет проводиться управление ЭПК (рис. 1; 2), позволят выстроить эффективный процесс управления ЭПК вплоть до решения задач стратегического периода.

Все пояснения конкретного характера к Схеме с приведением примеров будут даны в четвертой части нашего исследования.

Библиографический список

1. Васильев В.А. Семантический критический анализ категорий «люди» и «гражданин» // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. № 6 (35): сб. стат. по матер. XXXIX междунар. заоч. науч.-практ. конф. М.: Интернаука, 2015. С. 37–100.
2. Васильев В.А. Анализ категориального аппарата этнологии и базовых причин этнополитических конфликтов // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. № 6 (27): сб. стат. по матер. XXVII междунар. заоч. науч.-практ. конф. М.: Международный центр науки и образования, 2014. С. 40–62.
3. Теория политики: учебное пособие / под ред. Б.А. Исаева. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
4. Тураев В.А. Этнополитология: учебное пособие-хрестоматия. М.: Ладомир, 2001. 400 с.
5. Кучин А.С. Правовое регулирование выборов в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. №283. С. 16–19.
6. Agreement between the United Kingdom Government and the Scottish Government on a referendum on independence for Scotland. Edinburgh, 15 October 2012. HM Government, The Scottish Government. 8 p.
7. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело, 2005. 472 с.
8. Сумленный С. Изгнаны и убиты // Эксперт. 2015. URL: http://expert.ru/expert/2008/30/izgnany_i_ubity/ (дата обращения: 31.07.2015).
9. Новейшая история стран Азии и Африки: XX век: учеб. для студ. вузов: в 3 ч. / А.М. Родригес [и др.]; под ред. А.М. Родригеса. М.: ВЛАДОС, 2003. Ч. 3: 1945–2001. 272 с.
10. Беренкова Н.А. Правительственный кризис в Ливанской республике как отражение противоречий конфессиональной политической системы. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_berenkova.htm (дата обращения: 17.04.2016).
11. Цуркан А.А. Классификация политических моделей исламских стран с учетом фактора исламского радикализма // Исламоведение. 2013. №2. С. 23–34.
12. Зайнашев Ю. В Молдавии запланировали уничтожение страны к 2018 году // ВЗГЛЯД, 2016. URL: <http://vz.ru/world/2016/3/21/800769.html> (дата обращения: 25.04.2016).
13. Новейшая история стран Европы и Америки: XX век: учеб. для студ. вузов: в 3 ч. / Л.А. Макеева [и др.]; под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. М.: ВЛАДОС, 2001. Ч. 3: 1945–2000. 256 с.
14. Системная история международных отношений в двух томах / В.И. Батюк [и др.]; под ред. А.Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2007. Т. 2: События 1945–2003 годов. 720 с.
15. Niebel I. Baskenland // Bundeszentrale für politische Bildung. 2015. URL: <http://www.bpb.de/internationales/weltweit/innerstaatliche-konflikte/54582/baskenland> (дата обращения: 1.05.2016).
16. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учеб. для аспирантов и соискателей уч. степ. канд. наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
16. Васильев В.А. Движение за независимость Шотландии: ретроспективный анализ и современное состояние // Свободная мысль. 2014. №5 (1647). С. 135–148.

References

1. Vasiliev V.A. a critical analysis of the Semantic categories of «people» and «citizen» // Scientific discussion: questions of sociology, politology, philosophy, history. No. 6 (35): proc. stat. at the mater. XXXIX]. highest level.. scientific.-pract. Conf. M.: Internauka, 2015. P. 37-100.
2. Vasiliev V.A. Analysis of categorical apparatus of Ethnology and underlying causes of ethnopolitical conflicts // Scientific discussion: questions of sociology, political science, philosophy, history. No. 6 (27): collection stat. at the mater. XXVII Intern. highest level.. scientific.-pract. Conf. Moscow: international centre of science and education, 2014. P. 40–62.
3. Theory of politics: textbook / edited by B.A. Isayev. SPb.: Peter, 2008. 464.
4. Turaev V.A. Ethnopolitical: textbook / reader. M.: Ladomir, 2001. 400 p.
5. Kuchin A.S. Legal regulation of elections in the United Kingdom of great Britain and Northern Ireland, Vestn. Tom. state University. 2004. No. 283. P. 16–19.
6. Agreement between the United Kingdom Government and the Scottish Government on a referendum on independence for Scotland. Edinburgh, 15 October 2012. HM Government, The Scottish Government. 8 p.

7. Ablaev A. R. ethno-political conflictology: Analysis and management: proc. allowance. M: The Thing Is, 2005. 472 p.
8. Sumlenny C. Expelled or killed // Expert, 2015. URL: http://expert.ru/expert/2008/30/izgnany_i_ubity/ (accessed: 31.07.2015).
9. The newest history of countries of Asia and Africa: twentieth century: proc. for stud. universities: 3 h / A. M. Rodrigues [et al.]; under the editorship of A. M. Rodriguez. M.: VLADOS, 2003. Part 3: 1945-2001. 272.
10. Burenkova N. A government crisis in the Republic of Lebanon as a reflection of the contradictions of a confessional political system. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_berenkova.htm (date accessed: 17.04.2016).
11. Turcan, A. A. Classification of political models in Islamic countries because of Islamic radicalism // Islamic studies. 2013. No. 2. P. 23–34.
12. Zainashev Y. In Moldova planned destruction of the country by 2018 // LOOK, 2016. URL: <http://vz.ru/world/2016/3/21/800769.html> (date accessed: 25.04.2016).
13. The newest history of the countries of Europe and America: the twentieth century: proc. for stud. schools: at 3 PM / L. A. Makeev [et al.]; under the editorship of A. M. Rodriguez and M. V. Ponomarev. M.: VLADOS, 2001. Part 3: 1945–2000. 256 p.
14. Systemic history of international relations in two volumes / V. I. Batyuk [et al.]; edited by A. D. Bogaturov. M.: Cultural revolution, 2007. Volume two: Events 1945–2003 years. 720 S.
15. Niebel I. Baskenland // Bundeszentrale für politische Bildung, 2015. URL: <http://www.bpb.de/internationales/weltweit/innerstaatliche-konflikte/54582/baskenland> (date accessed: 1.05.2016).
16. Stepin V. S. Philosophy of science. Common problems: proc. for aspire. and socket. Kazan. step. Cand. Sciences. M.: Gardariki, 2006. 384 p.
17. Vasiliev V.A., the Movement for the independence of Scotland: retrospective analysis and modern condition // Free thought. 2014. No. 5 (1647). P. 135–148.

V.A. Vasiliev*

In the third part of the article shows the components of management of ethno-political conflicts and techniques used during the process. Also it discovered the stage of the ethno-political conflict analysis of the main actor of ethno-political conflict. As a result, presented the basic scheme of management of ethno-political conflict.

Key words: the main actor of ethno-political conflict, management of ethno-political conflicts, tactics, strategy, extensively-policy measures, intensively-policy measures, routinisation, conservation.

---

* Vasiliev Vyacheslav Alekseevich (valv98@yandex.ru), Department of Public and municipal administration, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.